

Валя только что вернулась домой с работы. Усадив трехлетнюю Наташку на тахту, она собралась было заняться приготовлением ужина, как зазвонил телефон.

— Валя, это ты я! — голос Володи звучал чуть приглушенно, — уже устроился. В "Заре". У меня все в порядке, дня через три думай домой. Как Наташка!

— Все хорошо, — обрадованно ответила Валя, — сейчас Наташка с тобой поговорит. Наташа, иди сюда. Поговори, дочка, с папой. Ну что же ты, глупенькая. Скажи: "Здравствуй, папа!"... Володя, она стесняется. Приезжай скорее. Привези калготки Наташке. Счастливо, дорогой.

Положив трубку на место, Валя приготовила ужин, покормила Наташку, убрала, положила Наташку спать и залезла наконец-то на тахту, устало взяла газеты и начала читать.

"Вечерка", как обычно, печатала бесконечную детективную повесть, одну из тех, которые Сережа Крыльцов называет обычно "дефективы".

Вспомнив Сережу, Валя улыбнулась и чуть задумалась. Потом продолжила читать. Дойдя до последней страницы, она привычно быстро просмотрела объявления и уже хотела отложить газету в сторону, как что-то не сразу понятное ей, заставило ее вздрогнуть.

Она еще раз, уже внимательно, прочла маленькое объявление, затерянное среди еще нескольких таких же: "Коллектив завода... с прискорбием... извещает о трагической смерти... Сергея Николаевича Крыльцова"

Сергей! Крыльцов!!

Валя невольно вскрикнула: "Нет! Нет!" Он же сейчас на Тянь-Шане. Сидит у костра, поет свои песни или отпускает очередную

шутку и весело скалит белые зубы.

Валя бросилась к телефону. Почти ничего не соображая, она набрала номер, его номер, по которому почти никогда не звонила, и ждала ответа.

Трубку долго не поднимали. Наконец какой-то надтреснутый женский голос отозвался:

— Да... алло... алло...

И не спросив ни слова, Валя вдруг поняла, что да — это о нем там, в газете, в черной рамочке.

Она бессильно опустилась на стул. Трубка упала на пол...

2

Туристский поезд, наполненный рюкзаками, лыжами и весельем, несся в ночь, швыряя на снег пригоршни огня и песен. Песни летели в темноту — и каждый вагон оставлял на память свои песни.

Первый вагон пел:

— Люди идут по свету,

Им очень немного надо...

— Бячи мой! Цим-ба-ла-ла-ла — стонал второй вагон.

А в девятом вагоне собрались познакомиться, поговорить, попеть — чем мы хуже? — человек десять.

Для начала продегустировали по стакану белого карпатского вина — так, для заправки, для хорошего настроения.

Сергей Крыльцов положил руку на гитару и сказал:

— Начнем, Ваня...

И негромко, ладно и хорошо зазвучала песня:

Опять я Баксаном люблюсь, как сказкой,

Прошедшей, прекрасной и неповторимой,

Красивой и щедрой, совсем по-кавказски,
И чуточку грустной, как повести Грина...

Ваня и Сергей вели эту песню в два голоса. Крыльцов полузакрыв глаза.

Валя смотрела на него и думала о том, как сегодня утром, во время экскурсии по Львову, она встретила этого человека и он показался ей солидным, неуклюжим и чем-то неуловимо ~~лихким~~ отличающимся от всех ее знакомых. Он уступил ей место в автобусе, стоял впереди, около экскурсовода, а глаза его смотрели на нее растерянно, даже испуганно, и улыбка его была виноватой...

Сергей пел и думал о том же. Там, в автобусе, когда вошла эта девочка-студентка, его затрясло: это вошла Наташа! Он чувствовал нелепость этого: ведь столько лет прошло! — но все же это была она, Наташа, его вность, его непреходящая любовь... Наташа!

Цирк вечно ремонтировали.

Летом и зимой, весной и осенью здесь что-то рыли, ломали, сколачивали, на деревянных скамьях вечно блестели масляные пятна. И все же в парке было хорошо, особенно в старой тополиной аллее.

После школы почти каждый день приходили Сергей и Наташа в парк. Они ставили портфели на скамейку — и уходили бродить по парку. У тихой могилы большевиков — героев гражданской войны читал Сергей Наташе стихи Багрицкого, а возле веселых и шумных детских качелей — Маршак.

Иногда он читал свои стихи, были они пугающе сложными, неизменно оптимистическими и конструкции этих стихов отчего-то напоминали Наташе египетские пирамиды на картинке в учебнике истории.

— Он страшно талантлив! — думала она и чувствовала себя маленькой рядом с ним.

Однажды Сергей рассказал Наташе по секрету, что уже год изучает "Материализм и эмпириокритицизм". Он, размахивая руками, обрушил на Наташину голову столько "измов", так яростно кричал о реакционере и проходимце Беркли, о Махе и теории познания, что неожиданно для себя самой Наташа заплакала. А он испугался, подбежал к ней и сказал, взяв ее за руку:

— Что с тобой, Наташкин?

И от этого ласкового "Наташкин" Наташа заплакала еще сильнее. С ней происходило что-то необычайное. Слезы текли по ее лицу, а глаза смотрели на Сережу радостно и доверчиво, и тогда он сильнее схватил ее руку, поцеловал и не отпуская стал тихо читать, точнее, шептать:

— Когда на улице ненастье,
 Когда всю ночь ревут дожди,
 Свидание с тобой, как счастье,
 Мне очень нужно впереди.
 И выйду я под дождь угрюмый,
 Найду в дожде твое окно,
 И, мокрый, стану долго думать,
 Что я люблю тебя давно...

Кажется, это были первые такие понятные и дорогие для Наташи строчки.

Потом они бегали по аллеям, догоняли друг друга и были счастливы, как бывает счастливы семнадцатилетние ~~хит~~ люди, жизнь

которых ясна как синее небо над головой, как весна, взрывающая почки в старом парке...

4

Валя и подруга уселись на сидении теснее, а Сергей сел рядом с ними. И спросил:

-- Наташа?

-- Почему? Меня зовут Валя.

Он замолчал и долго смотрел в окно, за которыми побежали старые дома. Потом они слушали экскурсовода, осматривали Львов, любовались его живописным кладбищем.

Сергей шел рядом с Валей, смотрел на нее — и все больше казалось ему, что идет рядом с ним Наташа: ее глаза, ее улыбка, ее лицо... Удивительно было это возвращение. И страшно было вспоминать, и невозможно было не вспоминать...

5

Поезд несся по Карпатам. Кто-то выключил свет в купе — и тогда за окнами стали видны фосфоресцирующие в лунном свете горы, усыпанные снегом и залитые мягкой синевой.

Кто-то спросил:

-- Сергей, почти что-нибудь...

Сергей читал волнуясь, даже чуть заикаясь:

-- Вечером каждый уходит

в свою ночную квартиру.

У одного это — комната.

У другого — свой дом.

А у тебя --

в общежитии комната номер четыре,

А у меня сегодня --

ночь в переулке твоём.

Светятся серебристо нетронутые сугробы,
 Падают тени веток
 на мой одинокий путь...

Валя слушала стихи, смотрела на горы, плывущие в ночи, и думала о том, что стихи эти написаны про нее, а парень этот с семью висками, знает все про нее, про всех людей на свете...

6

~~Внезапно~~ Утром поезд пришел в Яремчу.

После удивительного катания на лыжах, после вихлеб выпитого горного солнца, ветра, после наслаждения горами и скоростью полета по лыжне, после хохота и испуганных вскриков, Сергей вернулся в ~~путь~~ поезд.

Весь этот день Валя, у которой не было лыж, бродила по Яремче и с завистью думала о подругах и друзьях, которые разноцветными пятнышками мелькали высоко на белых склонах.

А вечером всей кампанией решили пойти в резной ресторан "Гуцульщина". В ресторане сдвинули столы, заказали мудреное гуцульское блюдо и горячее вино.

Как-то само собой / так показалось самому Сергею / он оказался соседом Вали. Был он все время прост, по-домашнему ласков и заботлив, и от этого его ненавязчивого доброжелательства стало Вале хорошо и просто с ним. Она рассказала Сергею о себе, о новогодней недавней складчине, когда она впервые почувствовала себя взрослой, потому что впервые ей признались в любви, как мир показался ей светлым, теплым и от этого опущения и сейчас в ней какое-то неистребимое чувство полноты и радости жизни.

Сергей смотрел на нее — так могла бы говорить и Наташа. Не молодость ли это возвратилась к нему и властно позвала: вот я, ты можешь прикоснуться ко мне, поговорить со мною, сам стать юным.

Еще колеблясь, еще не зная, зачем все это, он спросил:

— Хочешь, я расскажу тебе о Наташке?

— Расскажите, — сказала Валя.

Она никак не могла заставить себя говорить ему "ты": его тридцать два казались ей далекой вершиной.

— Н-наташа б-была моей огромной любовью, всей м-моей юностью. Я н-никогда не рассказываю никому об этом — даже жена и з-знает о Наташе ничего. Она уезжала на ю, н-на К-кавказ... Д-давн-п-после первого курса...

Он рассказывал и чувствовал себя раздвоенным: как же он с Наташей говорит о Наташе? Наташины глаза смотрели на него, Наташин голос попросил: "Рассказывайте..."

Он выпил стакан вина и продолжил:

— Я был тогда с-совсем д-другим: этакое длинное в-восст-торженное существо. В т-тот в-вечер мы пошли в парк. Я н-не сказал что м-мы учились в одной школе и в-всегда х-ходили в п-парк. Увы, я н-не мог п-позволить себе поехать с Н-наташей: мои родители не м-могли и-послать меня в т-такую д-дальнюю дорогу. Все же д-дорого б-было, а п-папа работал один. Словом, мы бродили, говорили обо всем, а в общем-то ни о чем н-не п-поговорили как с-следует. Н-но до этого раза м-мы ни разу н-не поцеловались п-по настоящему — и б-без т-того хорошо было. А т-тогда... — Сергей помолчал, а потом махнул рукой: мол, начал, так окончу! — И т-тогда м-мы п-поцеловались. А п-потом д-долго смотрели на з-закат, н-на тени, к-которые к-крались к нам по аллее, н-на таинственно оживающие окна. Наташа была в синей к-куртке. И все. Она погибла через неделю...

Валя растерялась:

— Как погибла? Что вы?

— Д-лавина. К-красивая смерть при исполнении душевных

обязанностей. В Минске ей поставили потом с-символический п-памятник, мать забрала у меня единственную институтскую ф-фотографию Н-наташи и до п-позавчерашнего дня я Наташи н-не видел...

Валины глаза смотрели на него так хорошо, с таким сочувствием, с таким пониманием, что теплая волна подступила к его горлу и Сергей поспешно попросил у Вани сигарету и закурил. Правда, тут же извинился и загасил окурок и край пепельницы.

— П-позавчера, когда ты вошла в автобус, я п-подумал, что в-вошла Н-наташа. Ты очень п-похожа н-на нее. Самое страшное в-во всем этом, что н-никто н-не может вернуться в юность, что ты, как и Н-наташа, юная, а я д-давно женат, у м-меня отличная жена и в-великолепные д-дети, и в-все п-прошло. Н-но и н-не прошло...

Валя слушала, смотрела на него сквозь вытупившие на ее глазах слезы — и все немного расплывалось. То, что рассказал он, было ей дорого и страшно — как же он будет теперь и что будет с ней?

К счастью, ребята, которые уходили танцевать, вернулись и стали подшучивать над Сергеем, который стал тут же рассказывать какую-то историю в лыжах и как-то колыбе — шашлычной в славном поселке Ясения, куда они приедут завтра. Тут же договорились о шашлыках...

Когда все ушли из ресторана, ему показалось, что Валя отстала. Он искал ее в темноте, но нигде не находил и было ему одиноко и холодно.

Сергей достал-таки лыжи на прокатном пункте турбазы: теперь Валя с подругами вместе с ним поднялись на безлесную гору, где мягкий снег искрился радужным светом. Вдали поднималась Говерла — и Валя, которая впервые увидела горы, вспомнила

Володу, который ждет ее в Минске, засмеялась от счастья и написала на снегу палкой: "Верь мне, В."

Сергей понял и вздрогнул.

Боль, вошедшая в него, стала нестерпимой.

Он отошел в сторону и стоял как слепой. Теперь он знал, что любит эту девочку, как Наташу. Но у Наташи не было никакого В.

Между Наташей и Валей стояло непроходимой стеной его лето, полное многими дорогами и потрясениями, поисками и суетой, находками и потерями. Стояла целая Жизнь.

Смешно! Придумать такое. Наверно, не так уж похожа Валя на Наташу. Но... это Наташа.

Крыльцова трясло. Что он мог сделать?

И он бросился вниз, полетел на лыжах, страстно желая удариться о камни, чернеющие внизу, и все же, продутый мгновенно возникшим ветром, ловко свернул влево, вправо, взметнул вверх брызги снега и растворился где-то среди деревьев, молча столпившихся у самой околицы Ясиной...

8

Утром Валя отвела Наташу в сад. Потом она отпросилась с работы и пошла к нему, отмахнувшись от коллег, пытавшихся узнать, что такое стряслось и отчего на ней лица нет.

Впервые за все эти годы она пошла к нему. К его жене. К его детям.

... Вечера в поезде попрежнему были заполнены песнями. Знали их Ваня и Сергей великое множество, пели охотно и с душой. Валя садилась у дверей купе, Сергей — напротив.

Он ловил ее взгляд, натянуто улыбался — кажется, после Ясиной весь он стал как струна гитары, звучащая от самого легкого прикосновения **легко** тихо и печально.

Иногда он, словно спохватившись, начинал рассказывать — и тогда все заслушивались: вставали перед каждым горы и реки, где бродил Сергей, или Пушкин, которого он боготворил и знал, как самого близкого человека, или декабристы — вообще его рассказы были интересны, смешны, гудели от гнева или пели от нежных слов Сергея, когда он рассказывал о чем-нибудь заветном и любимом.

И тогда становилось Вале хорошо-хорошо, что есть на земле такой человек, и что любит он ее ни за что, за сходство — но все сильнее и все безудержнее. Это она понимала и ошущала каждую минуту. И надо было бы тогда уже все окончить, надо было бы уже тогда перестать заходить в купе, где собирались все Валдины друзья, но не было сил сделать это и было очень интересно слушать и запоминать.

... Поездка окончилась быстро. В последнюю ночь, когда поезд уже бежал по Белоруссии, они встретились в коридоре, и Сергей начал говорить Вале о своей любви, как будто ~~ни~~ не переставал говорить с ней все эти дни, казнил себя за безрассудность этой любви, как казнит себя ежедневно и как потом он казнил себя ежедневно в течение многих лет.

Она молчала, ошеломленная этим потоком чувств, возвышенная его любовью, его словами, его чистотой.

Она шептала в ответ одно:

— Это все не должно быть отдано мне! Ты мало меня знаешь, я совсем не такая, я другая. У меня многое другое. И мне надо во всем разбираться.

Вдруг она бросилась в свое купе.

А он был счастлив долгожданному "ты" — впервые счастлив за всю эту поездку.

Крыльцов шел по коридору и думал что-то нелепое и восторженное: он бы умер от счастья, если бы она полюбила его, была с ним. В эту минуту он упрямо верил в завтрашнее свое счастье.

— Ого, какой ты большой стал! — закричал Сергей, влетев в дом и поднимая на руки сына. Он был еще полон тем счастьем, он радовался всем — детям, жене, утреннему беспорядку комнаты и книгам.

Кинуться в книги, в работу, в тихих в стихи, наконец! Замотать себя. Все забыть. Не думать о Вале.

Что он может дать ей, кроме тревог?

У Вали оставалось еще несколько дней каникул. Она уехала домой, к родителям и заболела.

Если бы она, разметавшись в жару на постели, увидела, что Сергей пишет о ней, о ее болезни, она бы поверила в телепатию, во всесильность любви, в потусторонние силы — во что угодно. Но Крыльцов был настроен на ее волну, как приемник. Он видел ее за сотни километров и писал:

Ходит черный кот по коридору,
Тени веток падают в окно,
И Валюша спит уже давно,
Опустив ресниц пушистых шторы.
Валя, Валька, Валечка, Валюша,
Что тебе приснилось, расскажи —
Может, эта белая подушка —
Клад, где ты укрыва миражи.

Миражом к тебе приходят горы,

Миражом любимый. Миражом...

Но верша вираж за виражом,

Ходит черный кот по коридору.

Ты больна.

А я в ночи мечусь,

От тебя далекий, в доме душном...

Валька, Валя, Валечка, Валюшка,

Слышишь, это я в твой бред стучусь!...

Дверь была отворена. Валя вошла. Было тихо. Несколько женщин и мужчин тихо переговаривались между собой.

Книги... Его письменный стол с несколькими кристаллами горного хрусталя и эдельвейсами в целлофановой обертке. Портрет Пушкина.

У окна стояла его жена. Конечно, жена. Детей в доме не было.

К Вале подошла женщина с татарским разрезом глаз, протянула Вале стакан воды и сказала:

— Выпейте. Вам плохо.

— Скажите, что случилось?

— Пока неизвестно. В телеграмме сказано про сель.

" Сель? Сель? " — вспомнила Валя. Показывая ей и Володе диапозитивы, Крыльцов говорил:

— Смотрите на этот овраг. Сель прошел. Черт его знает, почему так ласково называли эту гадость — " сель..."

Очень любил Крыльцов эти горы. Сто раз мог показывать диапозитивы, подбегать к экрану поближе — и было в нем изумление перед всей этой красотой.

Валя подошла к книжной полке: Пушкин, Паустовский, Экзюпери...

Сергей принес ей в день рождения такой же томик Паустовского. В общежитие. В тот день, когда она вернулась в город.

За время болезни Маля тогда твердо решила, что надо разом кончить встречи, потому что знала и чувствовала, что жизнь его станет отныне мучительной борьбой, а встречи с ней сделают эту борьбу еще тяжелей.

Но встретив его, вдруг поняла, что стали ей нужны его рассказы, его стихи, которые никто другой, даже ее Володя, не напишет.

Она вспоминала:

" Будь что будет —

одного хочу:

иногда проснуться на рассвете,

выйти в город, обождать и встретить,

"Добрый день!" — негромко ей сказать..."

Однажды Сергей встретил ее у дома и с гордостью сказал:

— А у меня есть сувенир!

— Покажи!

— Видишь, эта прядка стала седой. За месяц нашего знакомства. Я ее так и называл: " Валькина прядка"

Тогда она только покачала головой.

Как-то он проводил ее к институту, где ее ждал Володя. Она рассказала ему о Володе. Он шел — струна струной — тронь и взорвется, лопнет.

Так все и шло: занятая работой, делами, Володей, потом семьей, она изредка звонила ему на работу, чтобы поздравить о праздниками или с днем рождения, все реже соглашалась встретиться с ним, чтобы поговорить о том, о сем, а он не настаивал никогда.

Теперь с беспомощностью она подумала: как же так, ведь могла же она подарить ему чуть больше внимания, а сделала меньше, чем делает людям просто знакомым.

И уже ничего не поправишь.

И еще вспомнила слова, сказанные им в минуту отчаянья:

— А ведь мне для счастья так немного надо, вроде бы, совсем немного: твое дыхание рядом. Твое дыхание..."

Все годы нес он ее в себе, как носят сердце: никому не показывают, а оно болит, бьется, радуется и ноет от тоски.

II

Вдруг она поняла, что все смотрит на нее. И пошла к двери.

Крыльцов однажды сказал ей:

— Вот может случиться война. Или что-то произойдет с нами.

И тогда, когда я думаю о маленьком сроке, обавшемся нам, мне хочется кричать: зачем, для какого такого недоступного мне спектакля судьбе было угодно разыграть со мной эту комедию?

Она шла за Наташкой, смотрела сухими глазами перед собой и вспоминала:

" Он знал все обо мне. И знал все, что с ним случится. Он же говорил мне тогда, что уже видел такой сон: я ушла, он уехал и встретил Наташу. А я смеялась. Это как же тогда я должна была вот-вот уйти в декретный, а он спросил: если родится у тебя дочь, назови ее Наташей. Тогда она будет точь — в точь как ты, а значит, как Наташа, а значит, такой, какой, какой могла быть и моя дочь..."

Валя забрала Наташку. Придя домой, она как заведенная машинально сделала все дела, в девять уложила дочку спать и села

возле нее.

Слушая спокойное дыхание быстро уснувшей Наташки, Валя беззвучно заплакала, опустив голову на спинку кровати.

"А ведь мне для счастья надо, вроде бы, совсем немного: твое дыхание рядом. Твое дыхание..."